

Протоиерей Максим Максимов,
член Синодальной комиссии по канонизации святых,
клирик Московской епархии

**Святитель Московский и Алтайский
Макарий (Невский; 1835–1926) как проповедник**

Среди многочисленных забот, которыми живет сегодня Русская Православная Церковь, особого внимания достойны вопросы миссионерства и христианского просвещения. Знаменательно, что на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года была совершена канонизация не только Собора новомучеников и исповедников Российских XX века, но и двух подвижников нашей Церкви, просиявших в трудах апостольского просвещения народов нашего Отечества. Это известные труженики Алтайской Духовной миссии преподобный Макарий (Глухарев), основатель миссии, и продолжатель его дела святитель Московский и Алтайский Макарий (Невский).

В 2011 году издательством «Булат» при непосредственном участии членов Синодальной комиссии по канонизации святых выпущен в свет четырехтомный сборник «Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения» святителя Макария (Невского), митрополита Московского и Алтайского. Опубликованное гомилетическое наследие дополнено рядом статей и переводов святителя Макария об Алтае, миссии и миссионерах; также опубликованы его ранние дневниковые записи и ряд писем, полученных от обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева.

Вниманию участников конференции предлагается доклад о проповеднических трудах равноапостольного просветителя Алтая святителя Московского Макария (Невского). Вся жизнь его была служением Богу. Промысл Божий провел его от нищеты и забвения (он был восьмым ребенком в бедной семье причетника) до кафедры Московского святителя. И на всем протяжении этого пути святитель неустанно нес крест миссионера-проповедника.

Многочисленные поучения являются ярким отражением неусыпной ревности архипастыря, который хотел бы во всей силе и полноте исполнить священный завет Апостола учить везде и всегда, благовременно и безвременно (2 Тим. 4, 2). Везде, где бы ни находился, он считает своим неременным долгом преподать свое святительское наставление, пользуясь всяким благоприятным поводом. Современники отмечали, что не было ни одного сколько-нибудь выдающегося церковного или общегосударственного явления и события, на которые проповедник не откликнулся бы своим учительным архипастырским словом.

В кратком обзоре содержания многочисленных поучений мы прежде всего выделим слова и речи, которые относятся к состоянию государственной и общественной жизни. Беседы, слова и речи, вызванные волнениями и беспорядками на всем обширном пространстве нашей страны, энергичны, ярки, полны метких суждений и глубокой назидательности. Проповедник выясняет основные причины происшедших нестроений. Он указывает их в постепенно развившемся неверии и в разрыве с Церковью со стороны тех, кто причисляет себя к передовым, руководящим классам населения, в оторванности всей народной жизни от духа христианского благочестия. Без благодатного светоча веры, при отчуждении от матери-Церкви создалась беспочвенность, произошел хаос понятий и воззрений, связанный с упадком нравственности и патриотической настроенности. Идет в наши дни «переоценка всех ценностей; причем иногда полезное признается вредным и вредное полезным, красивое безобразным и безобразное красивым, прежние истины признаются ложью и только что выдуманная ложь с жаром принимается за истину»¹.

От прежних, унаследованных форм гражданской свободы «все охвачены

стремлением к какой-то новой, еще не изведанной свободе, и все опутывают друг друга множеством неисполнимых иногда обязательств; все стремятся к справедливости и в то же время незаслуженно оскорбляют всех, кто мыслит иначе, чем они... все стремятся устроить рай на земле, и никто не ручается за завтрашний день»². При такой путанице, в такой странной и страшной сумятице понятий и стремлений враги Отечества не дремлют. Они возбуждают народ к неповиновению богоучрежденной власти, производят смуты и стараются развратить сельское население распространением по деревням безбожных и безнравственных изданий. Деревня начинает развращаться так же, как развращаются города.

Россия больна, говорит проповедник. «Страна наша мятется; все основы ее колеблются»³. «Слышатся голоса хульные на Бога и замыслы против помазанника Его. Расторгнем узы их, говорят ныне некоторые, и сбросим с себя иго их (Пс. 2, 3)! Расторгнем узы власти и сбросим иго Церкви, иго Христа... В подпольных писаниях своих, разбрасываемых по земле, они [виновники смуты], как вестники ада, жаждут разрушения, беспорядка, безначалия; они замышляют разрушение храмов и обителей, расхищение церковного достояния, разграбление имуществ богатых... Их желание – всё перевернуть... чтобы честный человек ожидал милости из рук босяка, которого обещают сделать раздаятелем разграбленного, пока не расточится всё и не настанет общая беднота. Такое извращение порядка для людей беспорядка даже не кажется неестественным, потому что у них всё, по-видимому, извратилось: они и зло называют добром, порок – добродетелью, ложь – истиною и безумие – высшей мудростью. Они так далеко зашли в своих мечтаниях, что как бы разучились уже и рассуждать здраво»⁴.

Враги государства, указывает архипастырь, с особой злобой и рвением нападают на то, что всегда охраняло наше государство, что поддерживало и укрепляло его животворной силой, что оздоравливало его благодатным и благодетельным влиянием. Они нападают на Святую Церковь. Руководители смуты всеми своими ухищрениями стараются вооружить против Церкви ее собственных чад, давно внутренне отпавших от ее любви, и, кроме них, иноверцев, раскольников и сектантов, которые, будучи не согласны между собою в верованиях и обрядах, являются единокорными в хулах, порицаниях Церкви, в злобных нападениях на нее. Православная Русская Церковь стала гонимой. Враги Церкви стараются расшатать ее ограду для свободного похищения ее чад, они напрягают все усилия, чтобы отнять от Церкви молодое поколение, чтобы не дать ему воспитываться в вере и благочестии посредством церковно-школьного обучения. Крамольники хотят отнять у Церкви ее школы и взять воспитание детей на себя в своих целях и в своих безрелигиозных школах.

Выступив ревностным, одушевленным борцом за благо России, охваченной смутами, пораженной недугом религиозного безверия или маловерия граждан, их нравственной расшатанностью и разделением в политических воззрениях и вожделениях, проповедник-иерарх усиленно и трогательно зовет население к духовному отрезвлению, оздоровлению и затем успокоению.

Свобода во всех отношениях и, в частности, свобода слова и веры, равенство в правах и даже в имуществе – вот стремления и домогательства, которые постоянно слышались в бурный период русского лихолетья. Противодействуя болезненному увлечению этими вожделениями, архипастырь в своих поучениях подвергает их критической оценке с точки зрения христианского вероучения и их приложимости к жизни. Полной абсолютной свободы, указывает он, нет и не может быть, иначе человек был бы всемогущ. Такая свобода есть нелепость. Свобода и в раю была соединена с послушанием. Свобода слова не дает права лгать, клеветать, подстрекать к преступным деяниям. Свобода веры не позволяет приводить к той или иной вере соблазном, обманом и насилием⁵.

В обширной беседе на внебогослужебном собрании архипастырь обстоятельно

рассматривает и оценивает стремление женщины к равноправию с мужчинами в научной, государственной и общественной деятельности. Обсуждая этот вопрос в свете богооткровенного учения и принимая во внимание душевные особенности женской природы, владыка говорит, что в области знания трудно указать науку, которая была бы недостойна женщины, неприлична для нее и не полезна ей. Но наука, как она существует в настоящее время, в большинстве своих отдельных отраслей заражена безбожным направлением. В настоящую пору наилучшим показателем якобы высокой учености считается отступление от Бога, от веры, от всего, что напоминает о религии и тем более о Церкви. Безбожие в женщине есть болезненное противоречие красоте ее духовной натуры. Есть иногда такие пороки, к коим мы относимся довольно снисходительно, когда видим их в мужчине, но эти же самые пороки вызывают отвращение, когда встречаются в женщине. «...Грустно видеть безбожного мужа науки, но еще печальнее видеть таковую женщину... Женщина без веры, без нравственности может принести обществу гораздо больше зла всякого рода, чем мужчина безбожный или нравственно развращенный. При отце безбожном страдает большей частью богобоязненная мать; а при матери, потерявшей веру и нравственность, развращается вся семья»⁶. Стремление женщины к знанию дозволительно, но оно должно иметь предел, далее которого не должно переходить. Женщины в особенности не должны касаться знания, которое отводит от богопознания и от послушания Церкви. И если для женщин нужны высшие учебные заведения, то они непременно должны быть таковы, чтобы отсюда выходили по преимуществу носительницы здоровой, высшей науки «с сохранением прекрасных черт характера неиспорченной женщины, с ее нравственной чистотой, нежностью, истинной религиозностью»⁷. Скажут, что нет деятелей и преподавателей, чтобы именно так поставить высшее женское образование. В таком случае, отвечает иерарх, вопрос о высшем женском образовании лучше оставить нерешенным впредь до открытия более благоприятных условий для его решения в положительном смысле.

Имеются, однако же, по заключению святителя Макария, в сфере общественной деятельности поприща, которые вполне приличны и пригодны для женщины. Сюда относятся учительство в низших и средних учебных заведениях, медицина для врачевания больных своего пола, христианская благотворительность и, наконец, миссионерство в среде нашего современного мало или совсем неверующего образованного общества. Последние два вида деятельности возможны и для женщины замужней, семейной.

На животрепещущую тему о религиозном и нравственном воспитании детей святитель предложил десятки драгоценных бесед. Родители, указывает владыка, одни по неведению, другие сознательно не дают своим детям религиозного воспитания в их раннем возрасте, отлагая это до школьного возраста. «И растут дети их иногда без молитвы, без познания Бога, без страха Божия и вообще без доброго наставления. И зарастает нива их сердец всякого рода тернием пороков»⁸, которые школа уже не может исправить, если бы современная школа и взялась за это дело.

Родители должны знать и помнить, что дитя есть храм Божий, что в душу дитяти вложена искра благодати Божией – семя для будущей благочестной жизни. Эту искру Божию они должны сохранять и раздувать, это семя оберегать, чтобы не засохло, но постепенно произрастало. Хорошие или дурные склонности и навыки, приобретаемые в ранней молодости, весьма часто остаются на всю жизнь. «Каким веществом будет пропитан новый сосуд, такой и будет он издавать из себя запах: благоухание или смрад нескоро и нелегко уничтожаются в нем. ...Чему обучено будет нежное детство, то дряхлая старость нелегко оставляет, ибо учащением одного и того же дела приобретаетась привычка, а через продолжительное время установившийся нрав получает силу природы»⁹. Душа ребенка должна быть непременно чистым, благовонным сосудом, она должна быть храмом Божиим,

жилищем Святого Духа. Указывая это, Преосвященный дает родителям, в особенности матери, превосходные наставления о том, как ум ребенка можно и должно заполнять религиозными образами, его нежную душу постепенно напитывать задатками благочестия.

В поучениях о вере как основном условии спасения проповедник скорбит об упадке веры как печальном признаке нашего времени и, усматривая, что этот упадок с особой силой выражен в интеллигентной среде, объясняет его тем, что современное знание разошлось с верой, что нынешняя наука по своему духу и направлению атеистична. Современные представители научного ведения, ценя только знание, к вере относятся пренебрежительно. А при таком отношении к ней они теряют вкус, приобретают «духовную атрофию» ко всему высокому, святому, на что указывает вера, что возвещает она, к чему она нас призывает. Они поражены такой атрофией глубоко и опасно, так как не сознают беды своего неверующего состояния и не чувствуют потребности выйти из него. Кто мало занимается рассматриванием и изучением духовного мира, у того естественно-духовное зрение остается неразвитым. Кто с лопатой испытующего и с предвзятой мыслью неверия спускается в недра земли, тот теряет способность подняться выше земли. Кто исключительно посвящает себя изучению явлений и законов материи, тот привыкает к материальному так, что всё нематериальное становится для него непонятным и неприемлемым. Люди, предубежденные против веры, стараются сами утвердить себя в этом предубеждении и склонить к нему других ссылками на «последнее слово науки». Но вера, которой ищет здравый человеческий дух, вера Христова, данная нам свыше, есть истина, которая не боится никаких научных последних слов. Не пора ли бы нам знать, что каждые десять, пять, а иногда меньше лет дают новую научную истину, отрицающую прежние мнимонаучные истины. Поэтому когда в мире современной науки является новая звезда со своим последним словом, противоречащим вере или расходящимся с ней, мы уже наперед должны догадываться, что это новый метеор, новый блуждающий, могильный огонек. Итак, делает вывод проповедник, если услышишь какое-либо новое учение, противное тому, что возвещено нам в Божественном откровении, не верь ему. Это новое заблуждение, которое не замедлит обнаружиться.

Имея в виду обычные в нашем образованном и через него в полуобразованном обществе возражения против веры и нападки на нее, владыка-проповедник предлагает своим слушателям сильное, убедительное слово в защиту веры с кратким, но метким опровержением доводов сомнения и неверия. Он указывает отличие мирской, гражданской морали от нравственности христианской. Неверы говорят, что мы не должны веровать, ибо нет надобности в религиозной вере: без нее обойдемся, нужно только проводить честную жизнь, быть честным (в гражданском смысле) человеком. «Да, – отвечает владыка, – гражданская честность может сохранить от тюрьмы, от виселицы, но она не избавит от ада, не проведет на небо. Гражданская честность... говорит: не обманывай, не грабь, не разрывай брачных союзов. Но она раздражительна, мстительна, горда, жестока, заботится только о себе, а не о других. <...> Вера же говорит: не только *уклонися от зла*, но и *сотвори благо* (Пс. 33, 15): не только не обижай, но и обидевшему тебя прости; не только не бери, но дай просящему. Безбожие говорит: всё для себя и ничего для других; а вера говорит: чего желаешь себе, того желай и другому»¹⁰.

Положительное учение о вере, являющейся светом для наших очей, утверждением жизни, побуждением и указанием пути к спасению, о благодати, Таинствах и других частных, отдельных истинах веры мы читаем на множестве страниц. Особенно ценными являются беседы, обращенные к простому народу, где кратко, точно, с необычайной доступностью и простотой изложено всё православно-христианское вероучение в его последовательном, систематическом порядке. Дается простому народу то, в чем для своего религиозного научения он особенно нуждается и что в целом виде с церковной кафедры предлагается

ему редко. Для краткой катехизации эти беседы следует признать образцовыми¹¹.

Сам неустанный молитвенник, Преосвященный постоянно говорит о молитве. Помимо отдельных поучений, посвященных исключительно молитве, вводящей нас в живое общение с Господом, которая составляет такую же потребность для верующей души, как дыхание для живого тела, каждое свое учительное слово он непременно заканчивает напоминанием о необходимости молитвы и призывом к ней. Владыка огорчается современной житейской рассеянностью, погоней за удовольствиями, за увеселениями, с забвением нужнейшего дела молитвы в храмах и на дому. Глубоко возмущает его устройство общественных увеселений накануне праздничных дней и в самые праздники с живой отзывчивостью к таким увеселениям по преимуществу со стороны высшего и среднего классов городского общества. Обличения по таким поводам звучат со всей силой пламенной архипастырской ревности.

«Посмотрим, – говорит он по поводу томского равнодушия к посещению богослужения, – посмотрим... на наши нравы. Начнем с верхних слоев нашего общества. Что там делается? Не совершается ли как бы поголовное отпадение от веры и от Церкви? Нужны ли доказательства на это? Пойдем, для примера, в навечерия праздников и дней воскресных в храмы и посмотрим: кто там есть? Небольшие наши городские храмы далеко не наполнены молящимися; там ряды их так редки, что нельзя пожаловаться на тесноту и духоту. Кто эти вечерние богомольцы? Почти исключительно служители Церкви, женщины – хранительницы веры и малая часть мужской половины из среды простого народа. Где же тот не простой народ, который составляет верхние слои общества? Он отсутствует: одни из них остаются дома, другие в местах увеселений – театре, маскараде, на танцевальном вечере. Там будут они до утра, и это у них называется отдыхом»¹². Пойдем утром к литургии – и увидим почти то же самое, с той разницей, что в храмах простого народа побольше, но из верхних и даже средних слоев общества почти никого. «Если бы иноземец, придя в наш храм, по внешнему виду собравшихся здесь на молитву стал заключать о составе нашего православного городского общества, то не был бы несправедлив, если бы вывел заключение, что общество наше состоит только из двух классов: из клира церковного и простого рабочего класса – и что ни знатных, ни богатых, ни носящих облик образованных людей, ни стоящих во главе учреждений у нас нет»¹³. Храмы пустеют, а театры и дома народных увеселений любителями веселья наполняются.

В поучениях о самой молитве проповедник многократно указывает ее значение, говорит об условиях ее действительности и исполнимости, дает советы и наставления, как должно поучаться молитве, и разъясняет, что значит молиться непрестанно и как можно исполнить апостольскую заповедь о непрестанной молитве при обычных житейских трудах и занятиях. При своей доступности и простоте эти разъяснения назидательностью мудрых указаний производят особенно глубокое впечатление.

Молитва есть обращение к Богу и вместе дума о Нем, дума и о спасении души. Идешь ты утром на работу и думаешь, что только придет тебе на ум: о деле, о безделье. Оставь ты эти, может быть, пустые думы и займи свой ум думой святой: твори тихо про себя краткую молитву «Господи, помилуй» и влагай в эту молитву прошение о твоих нуждах духовных и телесных, о спасении души, о здравии телесном, об успехе в делах твоих. Ведь это не помешает тебе идти своим путем или заниматься работой. Когда примешься за работу дома или вне дома, на дворе или в поле, повторяй непрестанно ту же молитву. Когда, по непривычке твоей, ты утомишься произносить ее, займи ум твой размышлением о Боге, о премудрых делах Божиих, об Иисусе Христе, о Его страданиях, смерти и воскресении. Вспоминай и о своей смерти, и о том, что будет с тобою по смерти. Эти размышления будут то же, что молитва.

Призыв к покаянию в устах проповедника раздается почти так же часто, как наставления и внушения о молитве. Грех, спутник нашей жизни, составляет ту немощь духа,

которая требует неуклонного врачевания. Грехи – это струпья, побуждающие к тщательному измовению и очищению. Они – наше бедствие, так как от них происходят наши телесные болезни и душевные страдания. Они же являются основной причиной наших бедствий частных и общественных. Покаяние – это врачевство духа, исправление и оздоровление жизни, это благословенный путь, ведущий к спасению. Оно и молитва – это крылья, возносящие нас к небу. Самую великую беду для больных грехами людей нужно усматривать в том, что люди нередко не сознают болезни, не видят и не чувствуют необходимости во врачевстве, не знают, в чем им нужно каяться. Это самообольщение и бесчувствие составляют тяжелый нравственный недуг, в котором нужно покаяться прежде всего. Говоря о такой нравственной слепоте, проповедник во свете Божественных заповедей дает глубокий и прекрасный анализ нашего обычного греховного состояния, как оно выражается в нашем личном настроении и поведении, в нашей домашней и общественной жизни, – того состояния, виновность которого бедственно ускользает и убегает от нашего внимания и сознания.

Пастырский призыв к раскаянию в грехах звучит с неотразимой убедительностью, когда проповедник выступает с увещаниями не откладывать покаяние под теми или иными предлогами, не запаздывать, поскольку «Господь прощение кающемуся обещал, а завтрашнего дня никому не обещал».

Увещания вступить в двери покаяния учащаются пред временем Великого поста, особенно ввиду холодности многих в отношении к христианскому долгу исповеди и святого причащения. Иерарх жалуется, что из десяти православных дело говения исполняет только один, из сотни – десять. Это печальное обстоятельство заставляло архипастыря обращаться к пасомым с особыми воззваниями, в которых он с мольбою просил воспользоваться днями святой Четыредесятницы для очищения душ и сердец.

Из добрых дел, которые должны быть выражением и украшением христианской жизни, проповедник с особенным вниманием останавливается на благотворительности. Заповедь о любви к Богу неразрывно связана с заповедью о любви к ближнему, и эта любовь к ближнему непременно должна быть деятельной и благотворящей. В отрешении от любви к ближнему, любви содействующей, помогающей, жертвующей, никакой подвиг христианской жизни не имеет цены и значения. Милостыня, являясь делом любви, становится и средством для очищения от грехов. «Как вода гасит огонь, так милостыня истребляет грех», – говорит владыка¹⁴. Все нуждающиеся в милостыне, все эти брошенные младенцы, осиротелые дети, эти беспомощные больные, дряхлые старцы, все бедняки, живущие в подвалах, часто остающиеся без куска хлеба и необходимого одеяния, нередко еще и стесняющиеся просить, – все они нам братья в Боге, во Христе, или, лучше, они – Сам Христос, говорящий: *Был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня* (Мф. 25, 42).

Указывая на благотворительность как на святое, богоугодное дело и приглашая к ней своих пасомых, владыка не раз произносил свое архипастырское правдивое суждение и осуждение касательно благотворительности, принятой в современном светском обществе. У нас, говорил он, делаются дружные и обильные приношения в пользу актеров, актрис и т. п., но у приносящих в эту сторону «сжимаются сердца и руки для помощи бедным и несчастным»¹⁵. А когда вспомнят о бедных, то благотворят им через театральные зрелища, маскарады и другие увеселения. Танцуют в пользу хромых и расслабленных, пируют в пользу голодных, устраивают маскарады и балы, чтобы прикрыть наготу сирых. Такая благотворительность не только странна, уродлива, но она и греховна. Истинной благотворительностью по побуждениям искренней любви к Богу и ближнему, благотворительностью одушевленной и одухотворенной может быть только христианская. В ней, во имя нашей братской связанности, должны участвовать не только люди состоятельные, но, по примеру евангельской вдовы, принесшей лепту, и люди бедные.

«Малую лепту бедного, пожертвованную на помощь нуждающимся, можно уподобить капле воды. Что может сделать одна капля воды? Конечно, ничего. Но посмотрите, что сделает эта же капля, когда она соединится со множеством других подобных. Из капель образуется сосуд воды, из которого может утолить жажду палимый внутренним жаром; из капель образуется целый поток водный, стремительностью своей приводящий в движение мельничный жернов; из собрания капель образуется пар, приводящий в движение машины... Вот какова сила капли воды, соединенной с другими подобными! Не такова ли же и сила лепты вдовицы, опущенной в сокровищницу церкви (Мк. 12, 42; Лк. 21, 2)? Не на таковые ли лепты созидались на Руси великолепные храмы? Сбором таких лепт содержатся православные миссии... содержатся приюты, сиропитательные Дома трудолюбия»¹⁶ и т.д. Отсюда, заключает проповедник, общественная благотворительность полезнее, производительнее частной.

Одиночная благотворительность возможна только для людей богатых; в общей благотворительности может участвовать и нищий. При одиночной благотворительности рубль богатого не имеет того значения, какое имеет копейка неимущего, когда соединяется с копейками подобных бедняков. В общей благотворительности каждый дает столько, сколько может и хочет. И сколько бы ни дал, польза от этого будет несомненная, а при одиночном благотворении нужно иногда сделать жертву не вполне посильную, ибо иначе не будет достигнута цель благотворения. А при такой напряженности, сопряженной со скорбью и тугой сердечной, легко может запасть в душу благотворителя ропот и уныние, тогда как дело милостыни, которое Апостол назвал благословением (2 Кор. 9, 5), должно быть совершаемо с непомраченным лицом и радостным сердцем. Владыка всех зовет к благотворительности часто и задушевно, зовет к жертвам главным образом через посредство учрежденных им церковных попечительств.

Из поучений Преосвященного автора обращают на себя особенное внимание беседы, слова и речи, относящиеся к пастырству, современной пастырской деятельности и миссионерству. Семинария вызывает тревожную озабоченность архипастыря тем, что ее воспитанники, прошедшие полный курс учения, во многих случаях уклоняются от пастырства, предпочитая ему светские профессии. Владыка, останавливаясь на этом скорбном обстоятельстве, указывает ее причину не в уставах семинарии, не в воспитательном семинарском режиме, а в той неблагоприятной настроенности воспитанников, которая создается влияниями, действующими вне семинарии. Владыка горячо призывает молодых слушателей к самостоятельной работе над собой для изменения настроения, что возможно и достижимо при условии надлежащего воспитания или перевоспитания сердца.

Обращаясь к самим пастырям, архипастырь ввиду возрастающих запросов нашего времени и возникновения в жизни множества соблазнов настойчиво призывает их к усиленному учительству: «...Учите ваших пасомых! Учите всех: старых и малых, учите всякий возраст и пол. <...> Вам, пастыри, всюду открыты двери слова: и в церкви, и в школе, и в доме, и в городах, и в селах, и в деревнях. Учите книгой, учите Писанием, учите и словом живым. Проповедуйте слово во время церковных собраний; учите и внебогослужебными чтениями и беседами. <...> [Учите,] последуя примеру Божественного Учителя и Господа, Который учил и в храме, и в синагогах, во градах и весях, на горе и на месте равне, на берегу моря и в месте пустынном»¹⁷. Многократные внушения о пастырском долге неуклонного учительства сопровождаются подробными наставлениями, как вести учительство в городе, в селе, в храме и вне храма. В деле церковного учительства внебогослужебным беседам владыка придает очень большое значение. Для того чтобы приохотить народ к посещению таких бесед, священник должен приступать к ним не вдруг. Архипастырь советует начинать их с бесед в избранных частных семьях и

домах. Для того чтобы придать внебогослужебным беседам большую привлекательность и больший интерес, их следует оживлять общим пением церковных песен. Священник есть миссионер в своем приходе и потому обязан изыскивать все способы для учительного воздействия на пасомых. Он должен пользоваться «всяким удобным случаем для беседы с ними, начиная таковую иногда с земного и переходя к небесному»¹⁸.

Уча пасомых, пастыри должны помнить, что «кто боится потерпеть порицание за слово истины, неприятное для слушающих, кто потворствует страстям слушателей, как делали это лжеучители, тот, по изречению апостольскому, строит здание из дерева, сена и соломы (1 Кор. 3, 12–13). Кто налагает на других бремена тяжелые и неудобноносимые, а сам и перстом не хочет двинуть их (Мф. 23, 4); кто одному учит, а другое делает; кто учит только словами, а не нравами своими, тот строит из непрочного, горючего материала, и дело его при испытании огнем сгорит»¹⁹.

Естественно, что святитель не мог обойти в своих поучениях миссионерское дело, не мог не отозваться по этому делу своим одушевленным словом и компетентными наставлениями. В речах о миссионерстве архипастырь знакомит слушателей с историей миссий Томского края – противораскольнической и противоязыческой, в теплых словах вспоминает преподобного основателя Алтайской миссии архимандрита Макария (Глухарева) и его ближайших преемников по предстоятельству в миссии; говорит о трудностях миссионерского служения на Алтае, о тяжелой, изолированной жизни миссионеров в отдаленных дебрях диких гор и, указывая на материальные нужды Алтайской миссии, просит о помощи ей. Окажите ее, говорит он, во имя Христа. Ведь дело миссии – дело Христово. «Это то дело, ради которого Господь наш Иисус Христос приходил на землю, ради которого Он принес Себя в жертву... Это дело спасения погибающих в незнании истинного Бога. Это дело призвания неверных к истинной вере»²⁰.

Вместе с тем проповедник предлагает несколько миссионерских бесед, обращенных к язычникам-алтайцам. Эти беседы о Боге как Творце мира, о создании человека, о его грехопадении, об Иисусе Христе как Искупителе и Спасителе грешных людей, о Страшном Суде, изложенные языком, приспособленным к понятиям и пониманию полудикарей, даны в качестве руководственных для миссионеров, подвигающихся в Алтайской и Приалтайской стране.

Размеры настоящего доклада не дают возможности коснуться множества других проповедей и речей, вошедших в настоящее издание. Но полагаем, что изложенного достаточно для того, чтобы на основании содержания поучений, по их характеру и тону можно было судить об их достоинстве.

В поучениях мы видим святителя-работорца, выступившего со своим смелым, одушевленным словом в защиту Церкви и государства в бурные дни, пережитые нашим Отечеством; видим и слышим архипастыря, стоящего среди пасомых с неперестающей заботой и пламенеющей ревностью об их спасении. Как истинный добрый пастырь и отец, он собирает вокруг себя Богом врученных чад и ко всем подходит со спасающим словом истины. Передовые, образованные классы населения внушениями веры, указаниями на Небесное, Божественное достоинство Того, Кто благодетельствовал мир светом этой веры, он предохраняет и врачует от болезней религиозного равнодушия и безверия; простецов усиленно и настойчиво укрепляет и утверждает в вере необходимым сообщением ее святых истин и их разъяснением. Поучая и назидая пасомых всяких степеней развития и всех возрастов, владыка в разнообразии нравственных состояний не хочет упустить из виду ни одного, чтобы не приложить к нему пастырского совета, вразумления, наставления, а нередко и обличения. Людей рассеянного образа жизни он призывает к серьезности и сосредоточенности в жизни, обращая их внимание на смысл и цель жизни, на то вечное благо, к наследию которого мы призваны и которое приобретается усилиями; увлекающихся

в погоне за удовольствиями отрезвляет и вразумляет напоминаниями о молитве, о храме – о всем том, из чего слагается и чем создается должная и добрая христианская настроенность. Человека, всецело погруженного в заботы о благах мира сего, он предупреждает, чтобы не упустил из виду единое на потребу, чтобы не забывал об обязанности в Бога богатеть (Лк. 12, 21). Спящего в греховном состоянии старается разбудить, призвать и расположить к покаянию, тщательно, любовно, отечески оберегая его душу от опасности возможного отчаяния.

Выразительно, с восторгом пламенной веры указывая светлости уготованного Небесного Царствия, владыка побуждает, умоляет и ободряет пасомых, кто бы и каковы бы они ни были, идти и подниматься к ним, причем от избытка архипастырского сердца дает подробные руководственные наставления, как идти, как подниматься в неизбежной борьбе с соблазном и грехом. Сам неусыпно ревнующий о спасении вверенных душ, архипастырь призывает к той же ревности своих ближайших в пастырстве сотрудников и, с целью научения и одобрения в трудах пастырского делания, обильно делится со священниками богатым опытом своего долговременного церковного учительства. В душевном желании привести в ограду Церкви и ко Христу и тех словесных овец, которые не от двора сего (Ин. 10, 16), владыка призывает верных на помощь миссии и вместе облегчает труд миссионеров своими примерными, образцовыми миссионерскими беседами. Всем он желает дать всё, что относится к истинному благу жизни и к деятельности для этого высшего блага. Он дает это от души, зовущей к любви и исполненной любви. Поучения проникнуты духом отеческой любви. Любовь заботливого, ревнующего, отеческого сердца явственно слышится в самих прошениях и обличениях.

Нравственно-богословские воззрения святителя в первую очередь отражают его духовный облик – облик смиренного подвижника, не любящего ничего вычурного, искусственного. Проповедуя учение о Боге и высокие истины христианской нравственности, святитель говорит об этом очень просто, чтобы слушатели его усвоили дух Христова учения, а не прельстились формой, в которую облечено это учение. Доступность его речи делают проповеди удобным пособием для церковных проповедников и доходчивым христианским чтением как в храме, так и в кругу семьи.

Источники:

Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012.

Царю Небесному и царю земному верный. Митрополит Макарий Московский, Апостол Алтайский (Парвицкий–Невский). М., 1996.

¹ «Вы – соль земли» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 4. С. 36.

² Там же.

³ «Опомнися! Покаемся!» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 4. С. 216.

⁴ «Поучение, сказанное в церкви Енисейского полка в городе Ново-Николаевске» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 4. С. 201.

⁵ «Что такое свобода?» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 4. С. 240–241.

⁶ «Архипастырская беседа по поводу стремления современной женщины к высшему образованию и уравнию в правах с мужчиной в общественной и государственной службе» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 4. С. 306.

⁷ Там же. С. 310.

⁸ «Семейное воспитание как наилучший способ приготовления народа к благотворному пользованию дарованной ему свободой» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 4. С. 123.

⁹ «Против зрелищ. Беседа третья» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 2. С. 269.

¹⁰ «Без веры нельзя обойтись. И у неверов есть вера» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 1. С. 150.

¹¹ «Простые речи о великих делах Божиих» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 2. С. 328–345.

¹² «Призыв к покаянию» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 4. С. 229.

¹³ Там же. С. 230.

¹⁴ «Долг говения» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 2. С. 20.

¹⁵ «Два крыла молитвы» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 4. С. 95.

¹⁶ «Любовь благотворящая» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 2. С. 360.

¹⁷ «Учите паству вашу!» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 4. С. 24–25.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ «Речь в день юбилейного празднования по случаю исполнившегося пятидесятилетия со дня кончины основателя Алтайской миссии архимандрита Макария» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 3. С. 10.

²⁰ «Воззвание к православным христианам о помощи благовестникам веры среди язычников и магометан» // Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Алтайский. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения. В 4-х т. М., 2011–2012. Т. 3. С. 39.